

УДК 81'1

**«ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ»: ИМПЛИЦИТНЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ
ОЦЕНОЧНОСТИ В МАТРИМОНИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ.**

В.А. Миловидов, О.Д. Цветкова

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье рассматриваются скрытые формы выражения оценочности в гендерно обусловленном дискурсе. Показано, что эти формы могут быть выявлены на основе модели лингвистической категоризации Г. Семина и модели реализации средств имплицитной реализации эндо- и экзостереотипов Э. Маасс.

Ключевые слова: гендерный дискурс, оценочность, матримониальный дискурс.

Матримониальный дискурс (см., например: [9]) – комплексное дискурсивное образование. Поскольку брак по определению есть союз, основанный на любви и взаимном уважении, то, совершенно естественно, одним из компонентов матримониального дискурса является дискурс любовный, достаточно хорошо описанный в дискурсологии (см., например: [3; 4; 8]). Вместе с тем, для матримониального дискурса характерна и, условно говоря, бизнес-составляющая, которая в современной практике наиболее полно раскрывается в процедуре составления брачного контракта, в рамках которой контрагенты, желающие заключить известный союз, заранее оговаривают свой вклад в общее брачное предприятие, стремясь, как то предполагает нормальная практика бизнеса, минимизировать свои издержки и, соответственно, получить максимальную прибыль.

При этом, если любовный дискурс есть дискурс кооперативный, а его телеология связана с поддержанием гомеостаза в популяции (ее сохранение и приумножение), то в бизнес-компоненте матримониального дискурса – как и положено в бизнесе – превалируют мотивы соперничества, желание занять доминирующую по отношению к контрагенту позицию. В данном контексте и проявляется наиболее полно оценочная, модальная компонента матримониального дискурса, которая может быть выражена прямо, но, как правило, выражается косвенно – дабы не вступить в прямой и острый конфликт с его любовной компонентой, где преобладают интенции кооперации.

Поскольку брак, как правило, заключают разнополые партнеры, на их взаимоотношения в рамках матримониального дискурса оказывает воздействие гендерный фактор, определяющий формы и форматы коммуникации. Этот фактор в последние десятилетия стал одним из популярных объектов лингвистического исследования.

Возникновение гендерной лингвистики как одного из направлений современного языкознания связано с феминистской лингвистикой, зародившейся в США в 1960–1970-х гг. Классическим трудом для этого направления считается работа американской исследовательницы Робин Лакофф «Язык и место женщины» [15], в которой утверждается, что различия в речевом поведении мужчин и женщин отражают доминирующее положение мужчины в обществе.

В своей работе Лакофф выделяет ряд особенностей женской речи: например, риторические вопросы как проявление неуверенности, уклончивые выражения, отсутствие чувства юмора – по причине неумения хорошо шутить, и т.д.

Описание женского речевого поведения у Лакофф было подвергнуто критике в работе О'Барра и Аткинса «Язык женщин или язык не обладающих властью» [17]. Исследователи показали, что некоторые черты, присущие женской речи, согласно Лакофф, не являются показателями чисто женской речи. Согласно представленному исследованию свидетельских показаний в суде, эти черты присущи речи не обладающим властью представителям социума, что, кстати, не опровергает, а лишним раз подтверждает базовую идею Р. Лакофф.

Господствующая ныне в гендерной лингвистике модель доминирования подчеркивает, что отличия в стиле общения мужчин и женщин возникают по причине доминирования мужчин в обществе. Эта модель описывается в работах таких ученых, как Дейл Спендер [19], Дебора Кемерон [11; 12] и Памела Фишман [13; 14]. В своем выступлении «Мужчины с Земли, женщины с Земли» Дебора Кемерон утверждает, что «любые различия в речевом поведении мужчин и женщин не естественны, а связаны с культурой и политическим настроением» [12: 45]. В своей статье она подчеркивает, что «в межгендерной коммуникации женщины стараются уменьшить потенциальную угрозу путем подчинения, в то время как в моногендерном общении женщины выражают солидарность и согласие» [ibid.: 48]. Кемерон считает, что стиль общения мужчин имеет соревновательный характер, в то время как у женщин – сотруднический.

Очень часто новые идеи в науке – это хорошо забытые старые. О том, что язык как объективно существующее общественное явление бесстрастно отражает сложившееся на протяжении многих веков «гендерное неравенство», одним из первых в лингвистике говорил Бодуэн де Куртене: «Это проявляющееся в языке мировоззрение, рассматривая мужской элемент как первичный, женский – как производный, противоречит логике и чувству справедливости» [2: 37]. Приведенное высказывание выдающегося лингвиста рассматривается сторонниками феминистской лингвистики как методологическое обоснование необходимости поиска и исправления «языковых несправедливостей».

Русскую традицию в гендерной лингвистике продолжает и выводит на новый уровень в конце 1990-х годов А.В. Кирилина, которая выдвинула некоторые общетеоретические вопросы феминистической лингвистики и была одной из первых, кто поднял вопрос о разграничении феминистского и научного подходов к изучению гендера [6]. Она предложила модель, состоящую из общечеловеческого и гендерного уровней. Вместо термина «гендер», не имеющего соответствующего эквивалента в русском языке, А.В. Кирилина предлагает «социальный пол» [7: 11].

Также значительный вклад в гендерную лингвистику внесли такие исследователи, как В.Н. Телия, И.И. Халеева, М.Д. Городникова, И.Г. Ольшанский и другие исследователи.

Гендерно обусловленная оценочность, как мы полагаем, и является одним из средств снятия языковых и прочих «несправедливостей» – там, где условия коммуникации предполагают реализацию (как явную, так и скрытую) гендерно-ориентированных позиций, а также их столкновение. Ситуации, мо-

билизирующие гендерный потенциал участников дискурсивного взаимодействия, чаще всего и возникают в матримониальном дискурсе.

Поскольку дискурс есть «речь, погруженная в жизнь» [1: 136], а жизнь есть, преимущественно, коммуникация, важно определить и достаточно подробно описать коммуникативные роли участников матримониального дискурса. Помимо непосредственных субъектов брачных отношений, жениха и невесты, неперенными участниками дискурса являются родственники и – в традиционных формах – сваха. Последней (последним) субъекты брачных отношений, как правило, делегируют свои полномочия в рамках бизнес-составляющей матримониального дискурса.

Именно здесь наиболее явно реализуется оценочная компонента матримониального дискурса, которая – в традиционно ориентированных культурах, к которым относится русская – связана с необходимостью обеспечить, прежде всего, невесте, достаточную степень безопасности и комфорта в браке – особенно тогда, когда сваха выступает, прежде всего, представительницей её интересов и оценивает состояние и состоятельность претендентов на руку, сердце и имущество невесты.

Поскольку, как мы показали выше, прямая оценочность в рамках матримониального дискурса разрушительна для самого дискурса, огромную роль начинает играть оценочность скрытая, имплицитруемая. В лингвистике наработаны принципы и методы анализа такого рода оценочности.

К ним можно отнести достаточно популярную в мировой психо- и социолингвистике модель лингвистической категоризации Гюна Р. Семина и Клауса Филдера, а также модель средств имплицитной реализации эндо- и экзостереотипов Энн Маасс, Дэниэлы Салви, Лучиано Арчури и Гюна Семина.

Суть первой сводится к следующим положениям. Исходя из того, что о любом факте или действии можно, при сохранении неизменного пропозиционального содержания, говорить и писать по-разному, что не окажет влияние на семантику пропозиции, Семин и Филдер полагают, что степень конкретности или, наоборот, абстрактности лексических средств, используемых в описании факта или действия, напрямую обуславливает то, насколько контекстуально-связанным или, наоборот, обобщенно-независимым предстанет этот факт или это событие в восприятии читателя (слушателя).

Данных уровней абстракции – четыре, и, по степени нарастания обобщенности, эти уровни реализуют свои семантические потенции с помощью:

- описательных глаголов действия (*Descriptive-action verbs*), описывающих единичный, наблюдаемый факт или событие и сохраняющих наблюдаемые черты последнего, например: *Джон ударил Дэвида кулаком*;

- интерпретирующих глаголов действия (*Interpretive-action verbs*), которые также описывают действия, но относятся к более широкому классу форм поведения и не несут в себе перцептуальных характеристик, например: *Джон причинил Дэвиду боль*;

- глаголов состояния (*State verbs*), описывающих эмоциональное состояние и не относящихся к конкретному событию, например: *Джон ненавидит Дэвида*;

- прилагательных, которые имеют отношение к классу событий и характеризуют субъект действия (*Джон агрессивен*); члены данного класса де-

монстрируют минимальную зависимость от контекста и, соответственно, предельную обобщенность в описании факта или события [18: 16].

К последнему классу мы бы, дополняя классификацию Семина и Филдера, отнесли и иные адъективные в своей семантике предикаты, выполняющие сходные функции категоризации, например – конструкции с неличными формами глагола, существительными, причастными оборотами и так далее.

При этом, чем более абстрактными являются средства категоризации, тем более ожидаемыми будут действия, свойства и качества субъекта, чьи поступки или состояния описываются данными средствами.

Модель лингвистической категоризации, шкалируя лексические средства на основе оппозиции конкретное-абстрактное, может быть отличным инструментом описания оценочности – как это показали в своих работах Энн Маасс, Дэниэла Салви, Лучиано Арчури и Гюн Семин. Ими было найдено соответствие между уровнем лингвистической абстракции и интенсивностью оценки, причем, в ситуации межгруппового общения, на которое влияние оказывают межгрупповые стереотипы (так называемый LIB, the linguistic intergroup bias, средства имплицитной реализации эндо- и экзостереотипов).

Так, ими было показано, что позитивно оцениваемое внутригрупповое поведение (как и негативно оцениваемое поведение члена «чужой» группы) описывается с использованием лексических средств более высокого уровня абстракции, чем – наоборот – негативно оцениваемое поведение члена «своей» группы и позитивно оцениваемое внегрупповое поведение («член моей группы умен», «член чужой группы глуп», но – «член моей группы дал неверный ответ на вопрос» и «член чужой группы дал правильный ответ на вопрос» [16: 981].

Данные модели вполне могут быть экстраполированы на ситуации выражения скрытой оценочности в матримониальном дискурсе, где, как мы показали выше, прямая оценка невозможна, а скрытая мотивирована необходимостью максимально обеспечить безопасность одной из сторон (в традиционной, патриархальной культуре – женщины). Источником этой оценки, тем агентом матримониального дискурса, который формирует и выражает эту оценку, является сваха (или её функциональный аналог в лице родителей, родственников или опекунов невесты).

По вполне понятным причинам исследователь (если только он не анализирует данный дискурс в режиме интроспекции, будучи его непосредственным участником) лишен возможности быть свидетелем реальных фрагментов такого дискурса, но художественная литература, а также современная медийная среда предоставляет возможность анализировать различные квази-формы матримониального дискурса.

Образ свахи – один из проходных образов русской литературы позапрошлого века – достаточно вспомнить сваху из трилогии А.Н. Островского о Бальзаминоме или Феклу из «Женитьбы» Н.В. Гоголя. В последней пьесе сваха как раз и пользуется имплицитными средствами оценки, рассказывая своей доверительнице, Агафье Тихоновне, о претендующих на её руку и сердце женихах. При этом следует учесть, так сказать, двойную интенциональность оценок, даваемых Феклой. Как профессиональная сваха, рассчитывающая на получения гонорара, она в любом случае хочет сосватать Агафье Тихоновне жениха (даже если он не относится к «самолучшим»), но, с другой стороны, бу-

дучи доверенным лицом невесты, она, конечно же, озабочена и её последующим благополучием.

Поэтому положительные качества того или иного жениха описываются Феклой на высшем уровне абстракции:

Фекла: Первый Балтазар Балтазарович Жевакин, такой славный...

Фекла: Акинф Степанович Пантелеев, чиновник, титулярный советник, не множко заикается только, зато уж такой скромный... зато такой тихий, как шелк

Обратим внимание: адъективные конструкции, которые Феклой используются для положительной характеристики женихов, в последнем случае контрастируют с глаголом действия *заикается* в форме несовершенного вида, предполагающем регулярность, повторяемость действия. Впрочем, заикание – не столь большой недостаток, если сравнить его с пьянством:

Агафья Тихоновна: Ну нет, я не хочу, чтобы муж у меня был пьяница.

Но и этот недостаток, гораздо более существенный для жениха, сваха минимизирует за счет выхода в своей оценке Акинфа Степановича Пантелеева на низший уровень системы средств лингвистической абстракции, превращая пагубную привычку чиновника в дискретную цепь единичных случаев, за которыми не просматривается закономерность:

Фекла. Твоя воля, мать моя!... Впрочем, что ж такого, что *иной раз выьет лишнее*, – ведь не всю же неделю бывает пьян: иной день *выберется* и трезвый.

Те же самые механизмы используются Феклой и тогда, когда она оценивает далеко не блестящее материальное положение претендентов на руку своей доверительницы. Так, про отставного морского лейтенанта Жевакина она не говорит прямо, что он беден. Обобщающая характеристика, выражаемая, в соответствии с нормами модели лингвистической абстракции адъективно, вытесняется средствами, обращенными к конкретным, единичным фактам:

Фекла: ... Только не погневайся: уж на квартире одна только трубка и стоит, больше ничего нет – никакой мебели.

Сваха Фекла у Гоголя – лицо заинтересованное, а потому на выражение ею имплицитных оценок женихам оказывает воздействие двойная интенциональность её дискурса. Там же, где сваха не зависит материально от невесты или жениха, оценочность выступает в более чистом виде. Правда, здесь мы можем говорить не столько о матримониальном, сколько о квазиматримониальном дискурсе.

К такого рода формам относится, мы смеем предположить, весьма популярная у современного массового телезрителя программа «Давай поженмся», о популярности которой говорят те факты, что передача идет ежедневно, в середине дня, со значительным по объему рекламным компонентом, а всего с 2008 года вышло более двух тысяч передач программы). Ведущая программы – известная по фильму Э. Рязанова «Жестокий романс» актриса Л. Гузеева, которой помогают астролог В. Володина и «профессиональная сваха» Р. Сябитова. Поскольку модерируют матримониальный дискурс женщины, то, есте-

ственно, в оценке возможных жениха и невесты (квази-жениха и квази-невесты) как раз и реализуются явные и скрытые формы гендерно ориентированной оценочности – тем более, что, в отличие от ситуаций реального сватовства, теле-свахи не связаны необходимостью добиться выгодной для доверительницы (или доверителя) партии в целях получения гонорара – гонорар здесь платят другие люди и за другие достижения. В силу этого ведущая и сваха (в меньшей степени астролог, поскольку в своих оценках та связана расположением звезд, которое, как известно, гендерно нейтрально) тяготеют к негативной оценке мужчин – даже в том случае, если сами мужчины кажутся невестам вполне достойными претендентами. В этой ситуации негативная оценочность реализуется исключительно за счет эксплуатации потенциала модели лингвистической категоризации и, соответственно, средств имплицитной реализации эндо- и экзостереотипов.

Так, в выпуске передачи от 27.03.2020 [URL] сваха, справедливо полагая, что возможный жених приглянулся невесте (Ведущая: А он вам понравился? Здоровый, молодой... Невеста: Да, да... Какая-то надежность от него чувствуется), в целом, придерживается положительной оценки жениха, но переводит эту оценку с уровня, где позитивная оценочность реализуется через адъективные конструкции, на уровень, где средством оценки является глагол действия (с последующим отказом от позитивной оценки в сторону оценки негативной, причем, выраженной инфинитивной конструкцией, обозначающей, как известно, не единичное действие, а действие типовое):

Сваха: То, что они дите зажгут – это я нисколько не сомневаюсь. А вот то, что они как это всё разгребать потом будут – вот это меня сомнения берут.

В той же передаче ведущая, не желая разрушать благоприятное впечатление, которое очередной жених произвел на невесту (сваха указала на «романтический» характер жениха), высказала сомнения о перспективах финансового благополучия будущей семьи, но реализовала их не эксплицитно, но через каскад глаголов действия, указывающих на единичность и даже случайность матриальных бонусов для невесты.

Ведущая: Сочинский наперсточник... С Серегой было бы клево, в Сочи... де нег нет, *сходил* на пляж – кручу-верчу, *пришел* с баблом, понимаешь... Без куска хлеба *не останется*...

Глаголы действия – при позитивной денотативной семантике (*сходил... пришел... не останется...*) реализуют негативную коннотацию, отрицательную оценочность – исключительно за счет того, что описывают единичное действие, не предполагающее, что подобное (*сходил... пришел... не останется...*) повторится, и что рассчитывать на то, что сочинский романтик-наперсточник станет надеждой и опорой для девушки, ищущей спутника жизни, не приходится.

Модель лингвистической категоризации и модель средств имплицитной реализации эндо- и экзостереотипов может быть обращена и к иным типам гендерно-ориентированного дискурса – дискурса СМИ, медицинского дискурса, литературно-художественного дискурса (где также явно и, главное, неявно присутствуют формы «мужского» и «женского» письма и, соответственно,

реализуются феминные и маскулинные ценности и, соответственно, выражаются оценки), иных форм речепроизводства. Во всех этих типах дискурса, как предполагают авторы, данные модели могут стать средством анализа и, соответственно, преодоления тех языковых и прочих «несправедливостей» о которых писали классики отечественной лингвистики.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // ЛЭС. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137. С. 136.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Общее языкознание. Избранные труды. М.: Юрайт, 2017. 344 с.
3. Васильев Л.Г., Котелевская Э.И. Любовный дискурс и топология // Вестник Удмурдского университета. Том 25. Вып. 2 Лингвистика. 2015. С. 9–14.
4. Велюго О.А. Дискурс любви или любовный дискурс? Комментарий к терминологическому аппарату // Вестник БГУ. Серия 4. Филология. № 1. Журналистика. Педагогика. Минск: Белорусский гос. университет. 2016. С. 8–12.
5. «Давай поженимся» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=IodyqcOrbrY> (дата обращения 01.04.2020)
6. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
7. Кирилина А.В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: проблемы, связанные с бурным развитием // Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы Второй Международной конференции, 22–23 ноября 2001 г. Москва. М., 2002. С. 5–14.
8. Котелевская Э.И. Монологический аспект любовного дискурса: опыт содержательного анализа. 10.02.19 – теория языка Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской гос. университет. 2016. 21 с.
9. Осовская И.Н. Концептосистема немецкого матримониального дискурса // Инновации в науке. Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2015. С. 89–99.
10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
11. Cameron D. *Feminism and Linguistic Theory*. London: Macmillan Press, 1992. 247 p.
12. Cameron D. *The Myths of Mars and Venus*. Oxford: OUP, 2007. 196 p.
13. Fishman P. *Interaction: the Work Women Do* // *Social problems*, 1978. P. 397–406
14. Fishman P.M. *Conversation Insecurity* // *Language: Social Psychological Perspective*. Oxford: Pergamon Press, 1980. P. 127–132.
15. Lakoff R.T. *Language and Women's Place*. New York: Harper and Row, 1975. 83 p.
16. Maass, A., Salvi, D., Arcuri, L., & Semin, G. R. *Language use in intergroup contexts: The linguistic intergroup bias* // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, Vol. 57, № 6, P. 981–993.
17. O'Barr W., Atkins B. *Women's Language or Powerless Language?* // *A Reader for Writers*. New York: Oxford University Press, 1980. P. 401–407.
18. Semin Gün R. *Stereotypes in the Wild* // *Stereotypes Dynamics. Language-Based Approaches to the Formation, Maintenance and Transformation of Stereotypes*. Ed. Yoshihisa Kashima, Klaus Fiedler, Peter Freytag. NY, London: Lawrence Erlbaum Associates. 2008. pp. 11–28.
19. Spender D. *Man Made Language*. New York: Pandora Books, 1981. 272 p.

**“MARRY ME”: IMPLIED FORMS OF EXPRESSING EVALUATION IN
MATRIMONIAL DISCOURSE**

V.A. Milovidov, O.D. Tsvetkova

Tver State University, Tver

The article surveys the implicit forms of expressing evaluation in gender oriented discourse. It is shown that these forms can be identified on the basis of linguistic category model by G. Semin and by the model of the linguistic intergroup bias by A. Maass.

Keywords: *gender discourse, evaluation, matrimonial discourse.*

Об авторах:

МИЛОВИДОВ Виктор Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета; email: vik-milovidov@yandex.ru

ЦВЕТКОВА Ольга Дмитриевна – аспирантка кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета; e-mail: tsvolga@bk.ru